

Лоу Вэйфэн побледнел и поспешно принялся оправдываться:

— Я не знал, что он замыслил навредить брату. Брат всегда был к нему добр, в прошлый раз даже спас его за городом. Если он так подставил брата, разве это не черная неблагодарность?

Несколько дней назад Тан Тан приходил с благодарностью, и тогда Лоу Вэйфэн впервые узнал, что брат его спас. Думая, что у брата еще остались чувства к Тан Тану, он и надеялся помочь этой несчастной паре. Теперь же, услышав такие слова, он, естественно, поверил брату еще больше, решив, что у Тан Тана наверняка были скрытые мотивы.

Лоу Чэнжэнь кивнул и со вздохом произнес:

— Раньше ты не знал, и я не ставил это тебе в упрек. Но теперь, когда знаешь, держись от него подальше. Если бы все не знали, что это я приказал сделать пруд мельче, никто бы не выбрал такое место для покушения. Иначе, если бы он до последнего твердил, что это я его толкнул, окружающие решили бы, что я покушаюсь на его жизнь. Кто бы поверил, что он сам прыгнул в воду, просто чтобы охладиться?

— Это... — Лоу Вэйфэн все еще не мог представить, что Тан Тан способен навредить брату. Ему казалось, что брат снова бредит. — Не похож он на такого человека, вряд ли он стал бы так поступать. Может, брат слишком много на себя берет?

Любой проницательный человек видел, что Тан Тан влюблен в его брата! Лоу Вэйфэн считал себя именно таким человеком. Что же до слуг в поместье, то они, как и сам брат, были уверены, что Тан Тан намеренно вредит хозяину и навлекает на дом Лоу беду.

Если бы Тан Тан узнал, что о нем думает Лоу Вэйфэн, он бы не знал, что и делать. Кажется, в прошлой жизни, что в этой, именно Лоу Вэйфэн был тем, кто по-настоящему его понимал.

Недоверие Лоу Вэйфэна вызывало у Лоу Чэнжэня досаду. Он желал ему добра, поэтому намеренно смоделировал ситуацию:

— У него просто не было возможности сделать это раньше. Посмотришь, если подвернется случай, сделает он это или нет!

Тан Тан сейчас действительно не стал бы использовать такие методы против Лоу Вэйнина, но вполне мог применить их к Лоу Вэйфэну. Разве в прошлой жизни он не сгубил подлыми приемами Лоу Вэйнина, который его любил и доверял ему? Сгубить в этой жизни Лоу Вэйфэна, который пока не проявляет бдительности, для него будет проще простого.

Из-за ограничений Правил Тан Тан не мог самовольно отнимать жизни, но если дело касалось законов, интриг и ловушек, Правилам было трудно заметить и пресечь это вовремя. Лоу Чэнжэнь следил за Тан Таном именно для того, чтобы вовремя выявить злой умысел.

Лоу Чэнжэнь долго наставлял брата, требуя проявлять осторожность и не контактировать с Тан

Таном наедине. Лоу Вэйфэн считал, что он хитрее Тан Тана и тот не сможет ему навредить, но, не желая идти против добрых намерений брата, лишь внешне делал вид, что прислушивается. Про себя же он решил по возможности избегать Тан Тана, чтобы брат не заводил долгих нотаций.

Так или иначе, Лоу Чэнжэнь достиг своей цели: Лоу Вэйфэн стал избегать Тан Тана и начал относиться к нему с подозрением.

— А-Жэнь, что ты делаешь?

Чжань Чжой проснулся и увидел, что Лоу Чэнжэнь возится с гладким кусочком нефрита. Его мучил вопрос: когда же он успел упустить один камень? Он ведь помнил, что спрятал их все, и А-Жэнь не просил у него новых.

— Вот это? — Лоу Чэнжэнь положил нефрит перед Чжань Чжой, и тот внезапно словно нашел своего двойника.

— Это Вэйфэн прислал утром, я на скорую руку вырезал, — Лоу Чэнжэнь был очень доволен рассудительным братом и похвалил его: — Вэйфэн — такой почтительный ребенок. Позавчера он спросил, почему я перестал носить нефритовый шарик и куда делись остальные украшения из комнаты. Я отмахнулся, мол, потерял тот, что был в руках, а остальные убрал, чтобы не расстраиваться. Он нашел мне похожий камень и принес, чтобы я вырезал новый.

Чжань Чжой обнял нефритовое яйцо, на глазах у Лоу Чэнжэня спрятал его, похлопал лапками и взобрался на ладонь Лоу Чэнжэня:

— В следующий раз, когда он спросит, покажи ему меня.

Ему совершенно не нравилось, что его А-Жэнь заменяет его другими вещами! Он ненавидел все предметы, которые отнимали внимание А-Жэня, прикрываясь его именем!

— А можно? — притворно удивился Лоу Чэнжэнь. — Но ты не любишь носить одежду, которую я для тебя шью, а я не могу позволить, чтобы тебя видели голышом. Разве это не будет слишком щедрым подарком для него?

От такого сравнения панцирь Чжань Чжой невольно покраснел. Как человек, он, конечно, должен носить одежду. Но как яйцо — это выглядело бы странно и смешно, поэтому после пробуждения он не хотел ни одеваться, ни показываться кому-либо, кроме Лоу Чэнжэня.

Однако, раз уж А-Жэнь так сказал, взвесив все за и против, Чжань Чжой покраснел и пообещал:

— В будущем я буду носить одежду, которую ты шьешь.

Лоу Чэнжэнь наконец улыбнулся, как человек, чей коварный план удался, и достал два маленьких наряда:

— Отлично! Я как раз утром сшил два комплекта: один — костюм, другой — комбинезон с подтяжками. Какой тебе больше нравится? Я помогу одеться!

Чжань Чжой понял, что попался, но жалеть было поздно. Пришлось, краснея, отдаться на волю Лоу Чэнжэня.

В глубине души он чувствовал стыдливое возбуждение. Ему очень нравилась одежда, которую А-Жэнь сделал специально для него, просто он стеснялся ее носить. А так, будучи вынужденным одеться, он хотя бы сохранил капельку достоинства.

Перед своим возлюбленным, даже будучи яйцом, он знал цену сдержанности.

С тех пор как Тан Тан слег, а Тан Цань с братом навестили его и ушли, разозленные его холодностью, они поняли, что Тан Тан стал капризным и переменчивым. Живя в такой семье, даже если ты не гений, глупым тебя не назовешь. Получив урок, они больше не собирались навязываться.

Поэтому, когда Тан Тана посадили под домашний арест, никто не стал за него просить, и даже навещать его перестали. Запертый в своем маленьком дворике, Тан Тан был близок к безумию.

Он лежал на кровати, погруженный в пучину мыслей. Он не понимал, почему в этой жизни, где он так осторожно просчитывал каждый шаг, не допуская ни одной ошибки, он оказался в таком положении.

Почему мне снится, что Вэйнин из прошлой жизни ненавидит меня, но не ненавидит этого негодяя Лоу Вэйфэна!

Почему повторный брак Тан Цань не нанес удара по Лоу Вэйфэну? При последней встрече он был со мной приветлив и даже пытался свести меня с Вэйнином! Но не думай, что я прощу его за это. За все страдания, что он мне причинил, я отплачу ему той же монетой.

Почему! Почему все беды валятся на мою голову! Ведь в прошлой жизни это Лоу Вэйфэн хотел власти, что была у Вэйнина, а я, ослепленный им, пошел против Вэйнина.

Я не хотел этого, я был слишком глуп. Почему же Вэйнин не прощает меня! Лоу Вэйфэн — вот истинный виновник!

Точно, Вэйнин никогда не знал истинного лица Лоу Вэйфэна, не знал всей подоплеки событий прошлой жизни, неудивительно, что он меня ненавидит.

Я должен как можно скорее рассказать Вэйнину правду, нельзя позволить ему и дальше заблуждаться, нельзя позволить козням Лоу Вэйфэна увенчаться успехом.

При мысли о том, что в этой жизни Лоу Вэйфэн, пользуясь доверием Лоу Вэйнина, легче завладеет кланом Ло, чем в прошлой, ненависть в сердце Тан Тана жгла, словно тысячи муравьев.

В семье Тан он изо всех сил старался заслужить признание отца и доверие старшего брата. Но как бы высоко отец его ни ценил, он никогда не рассматривал его как наследника. А доверие брата было и того меньше — стоило ему во время болезни сказать пару слов сгоряча, как тот перестал его навещать.

Он думал, что для сдерживания Лоу Вэйфэна достаточно завоевать доверие Лоу Вэйнина и заставить его быть настороже, но теперь, из-за того что Вэйнин увидел этот смутный сон, все планы рухнули.

Чем больше он думал, тем сильнее становилась тревога. Тан Тан, преодолевая слабость, поднялся с кровати. Но тело было слишком истощено. Обычная простуда, отсутствие отдыха и тяжелые думы затянулись на месяц, и теперь болезнь только усилилась. Едва встав, он почувствовал, как ноги подкашиваются от слабости.

Сяо Чай, услышав шум, вошел в комнату и, увидев, что Тан Тан дрожащими руками пытается одеться, поспешил на помощь:

— Молодой господин, зачем вы встали? Скажите, что нужно, я принесу. Главное, не простудитесь снова.

Теперь, когда господин стал таким переменчивым, Сяо Чай стал тише и осторожнее, боясь навлечь на себя его гнев.

Опираясь на Сяо Чая, Тан Тан бессильно опустился на край кровати и, указав на плащ, приказал:

— Принеси его, я ухожу.

Сяо Чай подумал: да когда же этот предок угомонится? И принялся уговаривать:

— Господин, не ставьте меня в неловкое положение. Глава семьи приказал вам два месяца не выходить. Он еще не остыл, так что успокойтесь, не злите его еще больше.

Слова Сяо Чая, пропитанные жалобой, лишь сильнее разозлили гордого Тан Тана:

— Я иду к отцу, у меня к нему важное дело!

— Это... — Сяо Чай, будучи слугой, не мог препятствовать встрече сына с отцом, но и отпустить

Тан Тана не смел. — Я сначала доложу главе, подождите немного.

Тан Тан кивнул, принимая условие. Сяо Чай тут же выскользнул из комнаты, запер дверь на ключ и, велел кому-то присмотреть за входом, побежал к главе Тан.

Этот поступок Сяо Чая вновь испортил настроение Тан Тана: его охраняют, как вора! Чья это, в конце концов, комната!

Прошел месяц, гнев главы Тан утих, и, услышав от Сяо Чая, что сын хочет его видеть, он решил зайти.

Увидев отца, Тан Тан подавил всю неприязнь и взмолился:

— Отец, мне нужно выйти, у меня важное дело к Вэйнину. Позвольте мне уйти хоть ненадолго, обещаю вернуться через полдня. Впредь я буду во всем вас слушаться.

Глава Тан, думавший, что сын пришел извиниться, был ошарашен:

— В прошлый раз дом Лоу прислал управляющего, чтобы дать мне пощечину, ни капли не заботясь о достоинстве клана Тан. А ты сейчас лезешь к ним лизать задницу? Ты еще признаешь меня отцом?

— Это недоразумение! Как только я все объясню Вэйнину, он лично придет к вам с извинениями!

— Какое к черту недоразумение! — взорвался глава Тан. — Я прожил столько лет, и впервые кто-то посмел так со мной разговаривать! Если хочешь оставаться моим сыном, не смей больше видеться с этими братьями Лоу!

Если бы не тот случай, где правда была на стороне семьи Ло, глава Ло не стал бы так терпеть. Лоу не проявили к нему уважения, но главная причина крылась в этом непутевом сыне, поэтому весь гнев он вымещал на Тан Тана.

Сын есть сын, какая может быть вражда между отцом и ребенком, но этот негодник все еще рвется к Лоу Вэйнину. Глава Тан чувствовал, что вырастил неблагодарного щенка.

Тан Тан ненавидел отца за то, что тот ставит ему палки в колеса, но вынужден был молить:

— Отец, Вэйнин всегда глубоко уважал вас. Он наверняка совершил тот поступок из-за недопонимания по поводу свадьбы третьей сестры. Будьте великодушны, простите его!

— Раз уж ты заговорил о свадьбе Цань-эр, я чуть не забыл свести с тобой счеты! — стоило упомянуть об этом, как гнев главы Тан вспыхнул с новой силой. — Семьи Ло и Тан дружили поколениями, Вэйнин и Вэйфэн всегда уважали меня. Кто все это время нашептывал мне

гадости? Если бы не твои гнилые советы, разве мы поссорились бы с ними?

Чем больше он думал, тем сильнее жалел. Глядя на Тан Тана, он лишь злился:

— Все из-за тебя, негодник! Подсовываешь одни глупости. Этот мальчишка из семьи Цзинь и в подметки не годится Вэйфэну по части ума. Как ты мог так подставить сестру, где твоя братская любовь? Сиди дома, пока Цань-эр не выйдет замуж!

— Отец, вы не можете так поступить! Выпустите меня, всего на полдня, дайте мне встретиться с Вэйнином!

Тан Тан в отчаянии хотел схватиться за рукав отца, но слуги оттащили его и уложили обратно на кровать.

Глава Тан чувствовал горечь. Он искренне считал второго сына подлым. Ведь это Тан Тан постоянно твердил ему о сыне семьи Цзинь, расхваливал его почтительность и приводил его в дом с дорогими подарками.

Те вещи ему нравились, он сам бы пожалел денег на такие покупки. Какой тесть не полюбит зятя, который так старается и тратит на него деньги? Вот он и закрыл глаза на распутство парня. Теперь, оглядываясь назад, он понимал, что все это были советы Тан Тана, иначе откуда такому глупому пареньку знать его предпочтения? Его самого, главу семьи, обвел вокруг пальца собственный сын.

Глава Тан раскаивался. Представив, как его дочь будет страдать в браке, он решил спросить ее саму. Если она против этой свадьбы, он...

Тан Цань, поняв суть дела, опустила голову и тихо спросила:

— Отец, раз вы давно знали о его натуре, почему не сказали мне раньше? Какой смысл говорить сейчас?

Она была лишь девушкой, скрытой в глубине покоев, и знала о женихе только то, что рассказывали родители и братья. Раньше они расхваливали его на все лады, а теперь говорят, что он не пара. Что ей делать?

Она всегда безоговорочно верила семье, верила всему, что они говорили. Неужели она ошиблась и в этом?

Неужели ее жизнь теперь будет связана с мужчиной, который ночи напролет проводит в борделях?

Глава Тан почувствовал себя неловко и выдавил из себя смешок:

— На самом деле, парень из семьи Цзинь не так уж плох. С тех пор как я обручил тебя с ним, он стал сдержаннее. Даже твой дядя Цзинь говорит, что он стал серьезным.

Тан Цань, словно убежденная отцом, расправила плечи и с пониманием произнесла:

— Отец жалеет дочь, я понимаю. К тому же из-за моей свадьбы вы уже поссорились с семьей Ло, нельзя обижать еще и семью Цзинь. Хотя господин Цзинь и был падок на женщин, раз он начал себя ограничивать, я верю, что он станет хорошим мужем, как вы и сказали. В конце концов, дело решенное, хороший он или плохой — он мой супруг, я выйду за него.

Слова Тан Цань одновременно утешили отца и усилили его чувство вины. Он вдруг понял, что никогда не отказывался от мысли выдать дочь замуж в семью Цзинь. Он просто не хотел, чтобы она выходила замуж с ненавистью к нему в сердце. Он вынуждал дочь дать согласие, чтобы она думала, будто это ее выбор, и не могла никого винить.

— Цань-эр, не вини отца. Ты ведь понимаешь мою ситуацию, правда?

Тан Цань опустила глаза и ответила с улыбкой:

— Я всегда знала, что отец — не только мой папа, но и глава клана Тан.

Любимая дочь оказалась такой рассудительной, и глава Тан с удовлетворением погладил свою козлиную бородку:

— Хорошо, что ты понимаешь. Ты тоже часть семьи Тан и должна внести свой вклад.

Тан Цань усмехнулась про себя. Что ей остается? Если она поссорится с родителями, то, выйдя замуж, окажется совсем одна. Виновата она сама: избалованная отцовской любовью, она хотела быть лишь послушной дочерью, забыв, что для отца лицо важнее всего остального, и полагаться на него нельзя. К тому же, как может мужчина, имеющий трех жен и наложниц, считать распутство недостатком?

Вероятно, в будущем ее ждет судьба матери: сидеть на месте хозяйки дома, но не получать любви мужа и плакать по ночам.

Она помнила, как мать говорила ей: Цань-эр, ты должна усвоить одно: терпи. Только если твое сердце будет спокойно, как стоячая вода, и ты не будешь ничего ждать и требовать, ты сможешь быть счастлива. Запомни: никогда не надейся на любовь мужа, выполняй свой долг жены, и проживешь жизнь достойной и добродетельной супругой.

Но мама, Цань-эр не хочет смириться, Цань-эр не хочет быть просто добродетельной женой.

В жизни, если ничего не просить, не будет и печали. Но можно ли действительно смириться?

Наивной ей пора проснуться.

В канун Нового года, после того как Лоу Чэнжэнь и Лоу Вэйфэн закончили поминальные обряды, они отпустили всех слуг и сели ужинать вдвоем.

Без прислуги Лоу Вэйфэн стал оживленнее, но, помня о правиле Лоу Чэнжэня не разговаривать во время еды, быстро поел. Дождавшись, пока брат закончит, он взял кувшин, налил вина сначала брату, потом себе, поднял кубок и провозгласил:

— В новом году желаю старшему брату исполнения всех желаний и успеха во всех делах!

Лоу Чэнжэнь с улыбкой выпил и достал заранее приготовленный хунбао:

— И тебе желаю в новом году стать еще на год взрослее.

Лоу Вэйфэн был ошарашен таким поздравлением. Смущенно приняв красный конверт, он подумал: почему у него возникло ощущение, что брат относится к нему как к ребенку?

Выпив вина и раздав подарки, Лоу Чэнжэнь не усидел на месте и встал, собираясь идти в свою комнату:

— Скоро придут убирать, доедай и иди отдыхать. Столько трудился, устроил себе праздник.

— Мы не будем встречать Новый год вместе? — Лоу Вэйфэн не мог поверить своим ушам. Он думал, что совместный ужин без слуг — это время для них двоих, чтобы посидеть и поговорить. А в итоге, после долгого ожидания, все вышло совсем не так, что ранило сердце младшего брата.

Лоу Чэнжэнь, зевая, отмахнулся:

— Брат состарился, кости старые, энергии не так много, как у вас, молодых. Если хочешь повеселиться, можешь позвать друзей.

Лоу Вэйфэн, разочарованный до глубины души, недоверчиво переспросил:

— Брат правда не составит мне компанию?

Лоу Чэнжэнь решительно кивнул:

— Нет.

Ему еще нужно было уделить время своему Сяо И. В вопросе выбора между чувствами Сяо И и

Лоу Вэйфэна позиция Лоу Чэнжэня была тверда.

Лоу Вэйфэн, глубоко уязвленный, ушел в подавленном настроении, что едва не вызвало у Лоу Чэнжэня укол совести. Но даже так он, не колеблясь, вернулся в комнату умыться, планируя украдкой взять Сяо И на храмовую ярмарку.

Лоу Вэйфэн не знал, что брат уже улизнул. Посидев в комнате и не найдя себе занятия, он решил прогуляться. Каждый год он звал друзей, но в этот раз отказал им ради брата, а с Тан Таном был в ссоре, поэтому пришлось идти одному.

На ярмарке было полно народу. Лоу Вэйфэн прошел всего пару шагов, и его одежда уже помялась от толчеи.

А в это время Лоу Чэнжэнь наложил на себя и Сяо И заклинание, чтобы окружающие не замечали их, и они могли спокойно гулять.

Прохожие и торговцы обходили их стороной, словно их действия были чем-то самым обыденным.

На ярмарке всегда было много еды. Лоу Чэнжэнь, побывавший во многих мирах, давно пресытился этим, но, увидев ярко-красные леденцы на палочке, вспомнил про красный халат Сяо И и, не удержавшись, купил один. С видом дарителя он протянул его Чжань Чжои, сидевшему у него на плече:

— Сяо И, леденец, держи.

Чжань Чжои сейчас ничего не мог есть, но никогда не отказывался от подарков Лоу Чэнжэня и послушно ухватился за палочку двумя маленькими лапками. Длинная связка леденцов делала его еще более маленьким и круглым.

<http://bllate.org/book/21674/2235997>